

III. Избрание Исполнительного Комитета Парижской секции. – Второй конгресс Интернационала в Лозанне. – Конгресс Лиги Мира и Свободы в Женеве (сентябрь 1867 г.).

После женевского конгресса парижское отделение Интернационала преобразовалось в секцию и избрало для управления делами Исполнительный Комитет из пятнадцати человек. Продолжительность полномочий Комитета была установлена на годичный срок; Комитет из своей среды избрал трёх членов-корреспондентов, (Толена, Фрибура и Варлена), одного казначея (Гелигона) секретаря и архивариуса. Остальные девять членов комитета были: Камелина, Мюра, Перрашон, Фурнэз, Готье, Беллами, Гиар, Делагей и Делорм.

Из жизни парижской секции за время от женевского конгресса до лозаннского конгресса следует отметить следующие события: стачку бронзовщиков, по поводу которой Толен и Фрибур с темя делегатами от стачечного комитета ездили в Лондон просить поддержки английских рабочих. Денежная помощь была оказана. Стачка закончилась победой рабочих и это имело большое значение. В конце марта в городе Рубэ произошли сильные рабочие волнения. Рабочие – прядильщики и ткачи – разрушили и сожгли несколько фабрик и мастерских, разбили машины и станки. Парижский Комитет Интернационала опубликовал по этому поводу воззвание, в котором, заявляя свою солидарность с эксплуатируемыми, он указывал на бесцельность и бесполезность разрушения машин и фабрик, так как эти орудия

труда не повинны в эксплуатации рабочих. 21-го апреля Комитет издал другое воззвание, призывая рабочих прийти на помощь стачечникам углекопам в Фюво.

Весной во Франции распространился слух о близкой войне Франции с Германией по вопросу о Люксембурге. По этому поводу немецкие рабочие прислали в Комитет Парижской секции Интернационала свой манифест, где говорилось, что интересы французских и немецких рабочих солидарны и требуют недопущения войны. В ответ на этот манифест парижские интернационалисты, со своей стороны, послали немецким рабочим «ответный манифест», в котором говорили «о всемирной солидарности и неразрушимом союзе рабочих».

1-го апреля в Париже открылась всемирная выставка; по случаю этой выставки в Париж приехал русский царь Александр II, чтобы отдать визит Наполеону III. 6-го июня поляк Березовский совершил покушение на Александра II и выстрелил в него из револьвера, но, неудачно.

Второй общий конгресс Интернационала был назначен в Лозанне, в сентябре 1867 года. Европейская демократия, со своей стороны, под руководством Гарибальди, Эдгара Кинэ и Бакунина, организовала Международную Лигу Мира и Свободы, первый конгресс которой был назначен 9-го сентября в Женеве.

На Лозаннском конгрессе Франция была представлена 18 делегатами, из которых девять были от парижской секции (Толен, Мюра, Фрибур, Шемале, Марли набойщик, Гарб жестянщик, Пиолей механик, Реймон литограф, и де Бомон гравёр-резчик). Главный совет делегировал Дюпона, Эккариуса, Лесснера и Картера. Кроме них от Англии на конгрессе было ещё три делегата, от Бельгии – один (Сезар де Пап), от Германии – два (доктор Кугельман из Ганновера и Людвиг Бюхнер из Дармштадта). В числе швейцарских делегатов были доктор Куллери[13] из Шо-де-Фона и Джеймс Гильом из Локля. Всего было прислано разными странами 71 делегат.

Лозаннский конгресс, более революционный чем предшествовавший Женевский, произвёл огромное впечатление как на самих членов конгресса, так и на журналистов и корреспондентов. Делегаты почувствовали, что они являются представителями новой нарождающейся социальной силы, которой суждено завоевать будущее, и «перед ними в первый раз встали грандиозные перспективы всемирной социальной революции».

Главным вопросом, обсуждавшимся на конгрессе в Лозанне, был вопрос о частной собственности. Бельгийский делегат Сезар де Пап представил доклад о коллективной собственности и указывал на всю несправедливость права частной собственности на землю и на орудия труда. Против теорий Сезара де Папа выступили французы Лонге и Шемале. После долгих прений, конгресс не пришёл ни к какому определённом решению и отложил этот вопрос до следующего конгресса. Местом следующего конгресса был назначен город Брюссель.

Лига Мира и Свободы пригласила делегатов Лозаннского конгресса Интернационала принять участие в её конгрессе. В ответ на это приглашение Лозаннский конгресс ответил, что осуществление мира возможно будет лишь при «новом строе, в котором не будет

деления общества на два класса, из которых один эксплуатирует другой». Кроме этого, члены Лозаннского конгресса указывали, что коренная причина войн – это отсутствие экономического равновесия в существующем обществе, что для того, чтобы уничтожить войну недостаточно ещё уничтожить армию, но необходимо изменить всю современную социальную организацию в смысле более равномерного и справедливого распределения продуктов. Конгресс избрал делегацию из трёх лиц: Толена, де Папа и Джеймса Гильома, которым и поручил передать выработанную конгрессом резолюцию.

Парижские делегаты играли на Лозаннском конгрессе выдающуюся роль. Верморель, в своей газете *«Французский Курьер»* подчеркнул этот факт и говорил о «серьёзном характере» этих рабочих, которые «не говорили длинных речей», но осмысленно и здраво обсуждали наиболее трудные экономические вопросы.

Такие похвалы раздражали Маркса. В это время он был занят исправлением корректур первого тома своего *«Капитала»*, который печатался в Германии. Поглощённый этой работой, Маркс несколько отошёл от практической работы в Интернационале, однако, он внимательно следил за всем, что происходило в Интернационале и успех французов на конгрессе его бесил. На следующем конгрессе 1868 года Маркс решил сам выступить на борьбу с ними и по этому поводу в письме от 11-го сентября к Энгельсу он говорит:

«Я поеду лично на следующий конгресс в Брюссель, чтобы нанести смертельный удар этим прудоновским ослам. Я устроил всё дело очень дипломатически. Я не хотел выступать лично до тех пор, пока моя книга (*Капитал*) не вышла из печати и пока Интернационал не вполне укрепился. Впрочем, в официальном докладе Главного Совета, – потому что, несмотря на их старания, парижские болтуны не могли помешать нашему переизбранию[14], – я постараюсь их отхлестать.

Наша Ассоциация быстро развивается. Несчастливая газета *«Star»*, хотевшая было совершенно игнорировать нас, вчера в передовой статье заявила, что конгресс Интернационала имеет больше значения, чем конгресс Лиги Мира и Свободы. Шульце-Делич не мог помешать своему *Рабочему Союзу* в Берлине примкнуть к нам. Паршивые собаки из английских тред-юнионистов, находившие, что мы заходим слишком далеко, теперь снова идут с нами... В будущей революции, которая, быть-может, более близка, чем это кажется, мы (то есть ты и я) будем иметь это могущественное орудие *в наших руках*. Сравни это со всеми результатами деятельности Мадзини и т. п., за тридцать лет! И всё это сделано без денег и несмотря на интриги прудонистов в Париже, Мадзини в Италии, Оджера, Кремера и Поттера в Лондоне, которые завидуют нам; и имея ещё вдобавок против нас Шульце-Делича и лассальянцев в Германии! Мы можем быть вполне довольны!»

В тот же день Энгельс писал Марксу по поводу корреспонденции Эккариуса в английской газете *Таймс*. В этой корреспонденции ревностный Маркс, Эккариус, хотел высмеять парижских делегатов, но хватил, как говорится, через край:

«Необходимо сохранить в тайне, писал Энгельс, фамилию автора этой корреспонденции, так как если это узнают, то Эккариусу может быть плохо. Нужно сказать ему, чтобы он, прежде чем посылать статью в буржуазную газету, задавал себе вопрос: не сможет ли буржуазия

воспользоваться приводимыми фактами, чтобы дискредитировать и высмеять весь конгресс в целом, а не только нескольких французов.

Так как ты в хороших отношениях с Верморелем, то не можешь ли сказать ему, чтобы он не говорил столько глупостей о Германии? Глупо требовать, чтобы Наполеон III сделался *либеральным*, и чтобы он объявил войну Германии, чтобы освободить немцев от тирании Бисмарка! Эти жабы[15], которые, даже в случае, если они сделают революцию, должны по отношению к Германии быть очень осторожны, воображают, что достаточно небольшой дозы либерализма, чтобы Франция смогла снова играть свою прежнюю роль! Я считаю очень важным, именно с точки зрения революции, проучить этих господ относиться к нам по-иному».

На следующий день, 12 сентября, Маркс отвечает Энгельсу:

«Я вполне разделяю твоё мнение относительно Эккариуса... но, в этом нет большой беды: насмешки Эккариуса будут приняты как исходящие от *Таймс*:

«Бездельники из французской Швейцарии, бывшие на конгрессе в большом количестве поддерживали французских болтунов, благодаря глупости старого Беккера... Но всё это ничего не значит. Существенно не то, что говорили на конгрессе, а то, что он состоялся. В нашем общем докладе парижские хитрецы будут высмеяны основательно... Необходимо на следующий конгресс в Брюсселе делегировать двадцать англичан и тридцать немцев[16]... (чтобы составить большинство против французов) ...

Очень жаль, что мы не имеем никого в Париже, кто мог бы войти в сношение с теми французскими секциями, которые настроены враждебно к прудонистам (а они составляют большинство!). Если бы Дюпон мог провести несколько недель в Париже дело могло бы наладиться».

С этого момента роль Маркса в Интернационале вполне выяснилась – он хотел быть диктатором. Отныне Интернационал – это его орудие и он, как мы видели выше, откровенно писал Энгельсу: «в ближайшую революцию, мы (то есть *ты и я*) будем иметь это могущественное орудие *в своих руках*».

Когда, вскоре после войны 1870 года некоторые лица стали говорить о «пангерманизме» Маркса и Главного Совета, Маркс нисколько не возмущался этим, а наоборот, ставил себе это как будто в заслугу. Да, говорил он, я немец, и хороший немец (*von Haus aus ein Deutscher*); благодаря мне немецкая наука проникла в Главный Совет Интернационала и за это следует только благодарить! Вот в каких выражениях Маркс писал по этому поводу в письме к своему другу Больту, в Нью-Йорк, 23 ноября 1871 года:

«Некоторые думают, что в Главном Совете господствуют идеи пангерманизма и бисмаркизма. Факт заключается в том, что я немец и сумел распространить своё влияние на Главный Совет. Заметьте, что по своей численности в Главном Совете немецкий элемент в три раза слабее представлен, чем элементы французские и английские. Наше преступление заключается, следовательно, в том, что англичане и французы в области теории подчинились немецкому элементу; но от такого господства, которое является господством

немецкой науки, они нисколько не страдают и даже признают это господство необходимым».

Позднее, в 1880 году, когда во Франции возникла «рабочая партия», основанная Гедом, Малоном, Лафаргом и другими, Маркс с гордостью указывал, что эта партия родилась под немецким влиянием. Он писал своему другу Зорге в письме от 5-го ноября 1880 года:

«Малон вынужден был примкнуть к «современному научному социализму», то есть к социализму немецкому... Газета «Освобождение», которая стала издаваться в Лионе, будет официальным органом партии, учреждённой на основах немецкого социализма... Лонге очень хорошо действует, так что даже Клемансо в своей последней речи в Марселе стал на нашу сторону. Мне нет надобности напоминать тебе – ты хорошо знаешь французский шовинизм – что тайные нити, при посредстве которых *лидеры*, от Геда и Малона до Клемансо включительно, приводятся в движение, должны быть известны только нам. Не нужно об этом много говорить. Когда мы хотим действовать во Франции, нужно делать дело анонимно, чтобы не раздражать *национального* чувства французов».

Как всё это поучительно!

На конгрессе Лиги Мира и Свободы в Женеве во время первого заседания Джеймсом Гильом, делегатом Интернационала, была прочитана декларация, выработанная Лозаннским конгрессом Интернационала. Эта декларация была встречена очень сочувственно. Лишь на следующий день несколько экономистов – Молинари, Дамет, Шербюлье и другие – выступили с протестом. В ответ на этот протест Дюпон, бывший председателем на Лозаннском конгрессе Интернационала, сказал: «разве вы уверены, что, когда регулярные армии будут распущены и заменены национальной милицией, мы будем наслаждаться вечным миром? Нет граждане, июньская революция 1848 года служит нам ответом... Чтобы установить вечный мир, необходимо уничтожить те законы, которые угнетают рабочих, уничтожить все привилегии, и заставить всех граждан трудиться; - одним словом, принять социальную революцию со всеми её последствиями».

11-го сентября Гарибальди, в одном частном разговоре с некоторыми делегатами Интернационала (Толеном, Дюпоном, Мюра, Шемале, Фрибуром, де Папом и Джеймсом Гильомом) заявил: «Я совершенно согласен с вами. Нужно объявить войну трём формам тирании: политической, религиозной и социальной. Ваши принципы – мои».

Бакунин, который выступал публично на женевском конгрессе впервые после своего бегства из Сибири в 1861 году, произнёс на заседании 10-го сентября большую речь, в которой, между прочим, говорил: «Россия не встанет на ноги до тех пор, пока не примет идей федерализма и социализма».

На следующем заседании с пропагандой идей федералистского социализма выступил, в свою очередь, Шарль Лонге, упомянувший Бакунина в следующих выражениях: «вчера изгнанник царской России и первый гражданин России будущей, Бакунин, изложил перед нами идеи федералистского социализма с авторитетностью борца и мыслителя».

Наконец, 12-го сентября на заседании конгресса Сезар де Пап произнёс, со своей стороны, обстоятельную речь, заявляя себя также республиканцем и федералистом; он сказал: «но, мы не хотим республики номинальной и призрачной федерации. Мы желаем республики действительной, и, в особенности, в области экономической... мы хотим федерализма не только политического, но и экономического».

Прудонист Шодэ, стремившийся объединить буржуазную демократию и рабочих социалистов, сделал попытку в своей речи наметить условия, на которых могло бы произойти объединение. Со своей стороны, организатор конгресса, Эмиль Аколля, известный юрист и человек очень искренний, вполне был убеждён, что это объединение уже совершилось в умах передовых борцов и деятелей, присутствовавших на конгрессе. В своей корреспонденции в газету Temps он писал: «политика и экономия узнали друг друга и обе нашли общую почву примирения – в справедливости».

Но это была лишь иллюзия, и, уже начиная со следующего года, приходилось признать, что между социализмом и буржуазной демократией существует глубокая пропасть, которую нельзя ничем заполнить.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 22 июня 2025 00:39:13

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 22 июня 2025 00:39:40